

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 338.2:502

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ: РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

© 2011 г. *И. П. Бандурина*

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)

Показана роль экологических неправительственных организаций в осуществлении социального контроля за экономической деятельностью в части обеспечения сохранности природной среды и рационального использования природных ресурсов. Показана роль этих организаций в наращивании социального и человеческого капитала.

Ключевые слова: *экология; природоохранные организации; природопользование; социальный контроль; социальный капитал; человеческий капитал.*

The role of non-governmental environmental organizations in the implementation of social control over economic activity is shown in the article. The analyzed sphere of control includes the preservation of the environment and rational use of natural resources. The role, which these organizations play to increase social and human capital is also examined.

Key words: *ecology; environmental organizations; nature; social control; social capital; human capital.*

Экологическая политика в постсоветской России складывалась в результате взаимодействия центральной и региональных властей, коммерческих компаний, экологических неправительственных организаций (экоНПО), населения.

Как отмечает О. В. Аксёнова [1], к концу 1990-х гг. в российских регионах сложились разнообразные модели экологической политики. Сформировалась весьма сложная комбинация федеральных, региональных и местных схем взаимодействия различных акторов. В 2000 г. начался период политического реформирования, включавший централизацию власти, который был связан с экономическими интересами крупного добывающего бизнеса. Централизация экологической политики выразилась, прежде всего, в ограничении прав регионов осуществлять экологический контроль.

В мае 2000 г. была создана новая схема федеральных природоохранных структур:

Государственный комитет охраны природы и Федеральная служба лесного хозяйства ликвидированы, функции обеих структур перешли к Министерству природных ресурсов, которое отвечало за эффективность природопользования. По мнению многих исследователей [1; 2; 3], данное решение стало результатом активного лоббирования противников экологической политики, среди которых были компании и государственные структуры, заинтересованные в росте эксплуатации природных ресурсов. В те же годы руководством страны было открыто объявлено главной целью федеральной политики экономический рост, основанный на эксплуатации природных ресурсов [4]. Началом прямой ликвидации экополитических институтов стала отмена решением Верховного суда РФ платы за загрязнение природной среды.

В настоящее время государство предпринимает попытку восстановления федеральной экологической политики, однако это в

большой степени носит формальный характер.

Несмотря на это на местном уровне в 2000-е гг. в России начала формироваться сеть структур экологической политики, подобная той, что существовала в 1990-е гг. на уровне региональном. Ее основными акторами стали природоохранные муниципальные организации, экоНПО, малый экологический бизнес, экологические отделы некоторых предприятий, местные жители. Ведущую роль в этой деятельности играют экоНПО, роль которых, как нам представляется, в ближайшие годы будет расти.

В связи с этим исследование социальных аспектов деятельности экоНПО и других акторов экологической политики представляется весьма актуальным.

На наш взгляд, природоохранную деятельность следует рассматривать не только как средство сохранения природной среды, но, прежде всего, как средство становления и развития гражданского общества в стране.

В этом контексте представляется важным вопрос о влиянии экологической деятельности на состояние социального капитала российского общества, который можно определить как «нормы взаимоотношений индивидов» [5].

Разные авторы указывают, что начале XXI в. в развитых странах доля природного капитала в национальном богатстве составляет лишь 5–6%, доля физического капитала — менее 20%, зато удельный вес неосязаемого капитала (ресурсов, воплощенных в людях: человеческого и социального капитала) превышает 70% [6]. В России же, согласно оценке Всемирного банка, среднелюдская величина национального богатства достаточно велика (38,709 долл.). Однако его основу составляет природный капитал, на который приходится 44%; физический капитал составляет 40%, а неосязаемый — лишь 6% [7].

Низкая доля человеческих ресурсов России в расчетах Всемирного банка связана, очевидно, с низким уровнем, прежде всего, социального капитала, поскольку по показателям человеческого и физиологического капитала (уровень образования, здоровья и т. д.) Россия, по мнению авторов работы [6], выглядит на мировом фоне удовлетворительно. Однако вывод о том, что России остро не

хватает социального капитала — именно того вида капитала, который наиболее важен для современных национальных моделей экономики, представляется достаточно обоснованным.

В вышеупомянутом исследовании [6], а также в работе [8] было показано, что основным фактором, обуславливающим низкий уровень социального капитала в России, является степень доверия в российском обществе. Результаты, полученные в этих исследованиях, позволяют сравнивать ситуацию в России с ситуацией в других странах мира. Здесь интересны результаты, полученные в ходе выполнения двух международных проектов, в которых участвовала Россия. Это участие России в международном проекте World Values Survey (WVS), в рамках которого в 1990–2000-х гг. проводился мониторинг показателей доверия в нескольких десятках стран мира [8]. Кроме этого, в 2006 г. в России (наряду с другими 28 странами с переходной экономикой) проводился опрос по ряду социально-экономических проблем (включая проблемы доверия) по проекту «Жизнь в переходный период» под эгидой Европейского Банка Реконструкции и Развития (ЕБРР).

Рассматривая доверие как фактор формирования социального капитала, чаще всего выделяют межличностное (доверие между людьми) и институциональное (доверие людей к социальным институтам и их представителям). Предметом большинства исследований является именно институциональное доверие — доверие индивидов к социальным институтам, их представителям, институциональным практикам и процедурам. Институциональное доверие обеспечивает социальную стабильность общества в целом. Высокое институциональное доверие способствует социально-политической активности и позитивному отношению к действующим социальным и экономическим организациям (в т. ч. — к экоНПО и другим экологическим организациям).

В зависимости от потребностей индивида, группы и общества в целом, которые удовлетворяет тот или иной социальный институт, авторы вышеупомянутого исследования [6] выделяют пять основных социальных мегаинститутов: институт семьи и брака; политические институты; экономические

институты; институт образования; институт религии. Каждый из этих основных социальных мегаинститутов складывается из многих более «мелких» институтов. Очевидно, что в рамках нашего исследования особый интерес представляет входящий в экономический мегаинститут институт природопользования.

За последнее десятилетие в России был проведен ряд эмпирических исследований доверия как основного компонента социального капитала. Среди этих исследований наиболее заметным является исследование А. Н. Татарко [10], который сделал выводы о том, что уровень институционального доверия в современной России достаточно низкий, а также о том, что существуют различия в уровне доверия между взрослыми и молодежью, а также между жителями регионов и центра России и т. д. Исследования показали, что в девяностые годы прошлого века по институциональному доверию как социальному капиталу российского общества был нанесен сильный удар. Вследствие кризиса доверия люди перестали верить властям, средствам массовой информации, представителям правоохранительных органов и др. Россияне теперь с большим недоверием относятся к представителям тех профессий, к которым раньше в первую очередь обращались за поддержкой в сложной ситуации. Утратил доверие и крупный бизнес, приобретший в последние десятилетия олигархический, антисоциальный характер. Последнее представляется наиболее прискорбным, так как выход из этого положения многим исследователям (с которыми трудно не согласиться) представляется лишь путём смены бизнес-элиты, перехода от «клептократии» к «меритократии», создания условий, при которых объективно честные, одарённые и трудолюбивые люди имели бы шанс занять высокое общественное положение в условиях свободной конкуренции. Реально такой переход возможен весьма длительным эволюционным путём [8; 9].

Отмечая важность таких исследований, необходимо указать на их главный недостаток: почти полное отсутствие данных об уровне институционального доверия внутри того или иного (в т. ч. — экономического) мегаинститута. Очевидно, что вышесказанное в определённой мере свойственно и доверию к экологическим организациям. Однако, не

ясно, которые из них пользуются наиболее высоким доверием и являются, соответственно, наиболее важными с точки зрения наращивания социального капитала российского общества.

Для выяснения этого вопроса нами было проведено анкетирование студенческой молодёжи в г. Новочеркасске (студенты Южно-Российского государственного университета (НПИ); Новочеркасской государственной мелиоративной академии и трёх колледжей). При этом была использована модель исследования, описанная в вышеупомянутой работе [10].

Респондентам задавались вопросы о степени их доверия экологическим организациям различных организационных форм, образующих институт природопользования, входящий в экономический мегаинститут. Всего в ходе исследования было собрано и обработано 1592 анкет. Результаты анкетирования представлены в таблице 1. Различные значения в последней графе таблицы (общая сумма ответов) объясняется тем, что в некоторых ответах респонденты заполнили не все предложенные графы.

Анкетирование показало, что неформальные группы граждан и экоНПО, не получающие внешнего финансирования, пользуются наиболее высоким уровнем доверия у населения. Несколько хуже показатели у экоНПО, имеющих внешнее финансирование и научных организаций. Однако их показатели заметно выше, чем у международных экологических организаций.

Это свидетельствует о том, что основным резервом роста социального капитала в рамках экономического института природопользования являются наименее формализованные и не связанные с государством и бизнесом экологические организации.

Это представляется особенно важным, так как современные экоНПО и инициативные группы граждан, на основе которых экоНПО могут быть созданы, обладают свойствами, позволяющими в короткие сроки создавать сети или интегрироваться в существующие природоохранные сети. Сеть может быть представлена через тип и форму взаимоотношений между такими социальными и политическими акторами, как личности, группы и организации. Методологически

Таблица 1

Дифференциация уровня институционального доверия экологическим организациям в рамках экономического мегаинститута

Насколько вы доверяете каждому из перечисленных?		Полностью	В чем-то доверяю	Не очень	Совсем не доверяю	Не знаю	Σ
Международные экологические организации	N	90	476	384	89	173	1212
	%	7,43%	39,27%	31,68%	7,34%	14,27%	100%
ЭкоНПО, не получающие внешнего финансирования	N	128	531	102	28	195	984
	%	13,01%	53,96%	10,37%	2,85%	19,82%	100%
ЭкоНПО, получающие внешнее финансирование	N	103	512	105	78	143	941
	%	10,95%	54,41%	11,16%	8,29%	15,20%	100%
Неформальные группы граждан	N	285	546	134	31	199	1195
	%	23,85%	45,69%	11,21%	2,59%	16,65%	100%
Научные организации	N	176	285	421	201	139	1222
	%	14,40%	23,32%	34,45%	16,45%	11,37%	100%
Органы местного самоуправления	N	71	536	499	47	134	1287
	%	5,52%	41,65%	38,77%	3,65%	10,41%	100%
Органы власти регионального уровня	N	87	521	403	302	134	1447
	%	6,01%	36,01%	27,85%	20,87%	9,26%	100%
Органы власти федерального уровня	N	61	287	529	537	123	1537
	%	3,97%	18,67%	34,42%	34,94%	8,00%	100%

важно, что многие неправительственные, в том числе экологические организации не являются закрытыми сетевыми системами. У них всегда есть «плотное» (коммуникационное) ядро и весьма размытая периферия, переходящая в среду. В качестве примера можно указать на так называемые целевые сети, как, например, Сеть спасения тайги, которая привязана к «месту», то есть к ареалам таежных лесов [11]. Это сеть дисперсная, рассредоточенная. Но и в этом случае у нее есть организационное ядро, завязанное на некоторый

ресурсный центр, и достаточно обширная периферия «слабых», то есть спорадически взаимодействующих акторов. Другая специфика этих организаций — относительно важная роль, выполняемая дружескими связями по сравнению со служебными обязанностями в формальных организациях (корпорациях, политических партиях). Последние представляют собой важные элементы внешних сетей.

Природоохранная сеть как любой искусственный объект, созданный человеком, характеризуется единством трех отношений:

она испытывает воздействие внешнего окружения, она внутренне трансформируется под влиянием этих воздействий, она приходит в неравновесное состояние в результате этих трансформаций. В соответствии с этим триединством отношений в сети информация, используемая в ней, в своих функциях также триедина. Она одновременно — мера разнообразия коммуникаций, связей сети с внешней средой; мера ее устраненной неопределенности, отражения разнообразия внешней среды в многообразии ее свойств, мера ее самобытности, и мера ее самоорганизованности и сложности движения. С учетом этого триединства должна проводиться работа с любыми видами информации в природоохраненных сетях.

Это особенно важно, так как наиболее эффективные экоНПО стремятся стать держателем и источником знания (информационного ресурса) о состоянии среды обитания. При этом остальные ресурсы, требуемые для решения конкретной экологической проблемы, часто находятся в руках тех, кто формально не вовлечен в процесс экополитической коммуникации. Иными словами, необходимо выявлять скрытые (или параллельные) каналы этой коммуникации, а их открытость также будет способствовать повышению степени доверия к природоохраненным организациям.

Накопление информационных ресурсов о состоянии среды обитания является фактором наращивания человеческого капитала в обществе. Этот капитал, согласно западным авторам, есть «эгоцентрическая» форма коммуникации. Чем выше статус контактов некоторого актора, тем больше у него шансов для продвижения по карьерной лестнице. Эта «рыночная» концепция социального капитала, всецело основана на принципе конкуренции. Поэтому применять ее к условиям экоНПО затруднительно. Как было показано в работе [11] и других, в российских условиях существует иной тип накопления социального капитала, основанный на дружеских, в том числе профессиональных, связях и нацеленный на сохранение и умножение общего блага, таких как природа. У этого капитала есть временное измерение: проверенные временем связи, например бывших лидеров и участников студенческого движения охраны природы. Но этот тип связей качественно отличен от сов-

ременных корпоративных и теневых «клик», образуемых кругом лично преданных людей или ближайших родственников. Это не исключает того факта, что лидеры крупных экологических организаций обладают монополией на информацию о ресурсах, доступных только им или реально поступающих в распоряжение данной организации. Но и в этом случае ключевую роль также играет доверие к лидеру со стороны донора [11].

К концу 1990-х гг. в российских регионах сложились разнообразные модели экологической политики. Сформировалась весьма сложная комбинация федеральных, региональных и местных схем взаимодействия различных акторов. Это во многих случаях обусловило недостаточную эффективность социального контроля за экономической деятельностью в части сохранения природной среды и минимизации негативного техногенного воздействия на неё. В этих условиях локализация экополитики неизбежна, поскольку экологический риск не исчезает, местные экологические неправительственные организации и местные жители вынуждены активно действовать в социально-экологической сфере и добиваться снижения риска, даже в условиях социальной нестабильности, а местные администрации вынуждены, так или иначе, разрешать существующие на их территориях проблемы.

Такое положение могло бы привести к усилению социального контроля за ситуацией с использованием природных ресурсов и воздействием на природную среду. Однако это не соответствует действительности, так как имеет место деинституализация природоохранной деятельности (при нерациональности и неэффективности деятельности государственных природоохраненных органов и низком доверии населения к ним (см. выше). В этих условиях экологические сети могут (и должны) сыграть роль социального института, обеспечивающего формирование и контроль за осуществлением эффективной экополитики, обеспечивающей соблюдение интересов общества в целом.

Главным результатом развития экологических и природоохраненных сетей, на наш взгляд, является то, что благодаря им сформировался и развивается новый инструмент

социального контроля в экономике, который через рассмотрение и решение вопросов экологии и природопользования, затрагивает многие другие сферы жизни общества и функционирования экономики, а также способствует наращиванию социального и человеческого капитала в стране.

Литература

1. Аксёнова О. В. Централизация власти — локализация экологической политики. // Социологические исследования. — 2007. — №8. — С. 18–26.

2. Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. — М.: КМК, 2003. — С. 416.

3. Честин И. Разрушение государственного управления в области охраны окружающей среды — угроза экономической, экологической и социальной безопасности России. // Социальная экология регионов России. Альманах. — 2001. — №6. — С. 40–49.

4. Путин В. В. Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики. // Россия в окружающем мире. — 2000. — С. 18–28.

5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. // Общественные науки и современность. — 2001. — №3.

6. Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. Ф., Латова Н. В. Проблемы

и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России. // Журнал институциональных исследований. — 2009. — №1.

7. Where Is the Wealth of Nations? — Washington, D.C.: World Bank, 2006. [Электронный ресурс] / World Bank Official Website. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/INTEEI/214578-110886258964/All.pdf>, свободный. — Загл. с экрана.

8. World Values Survey [Электронный ресурс] / The WVS Official Website. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.com>, свободный. — Загл. с экрана.

9. Колбачев Е. Б. Экономическая наука и преодоление кризиса. // Вестник Южно-Российского гос. техн. университета (НПИ). Серия «Социально-экономические науки». — 2008. — №3. — С. 3–9.

10. Татарко А. Н. Психологические исследования социального капитала в современной России [Электронный ресурс] / Федеральный образовательный портал ЭСМ. — Электрон. дан. — Режим доступа: www.ecsoman.edu.ru/db/msg/151763.html, свободный. — Загл. с экрана.

11. Давыдова С. И., Мардарь И. Б., Усачёва О. А. Лидеры и сети современных экологических движений. // История и современность. — 2008. — №2. — С. 117.

Поступила в редакцию

19 января 2011 г.

Инна Петровна Бандурина — соискатель кафедры «Экономика и управление предприятием» ЮРГТУ (НПИ), автор исследований по социально-экономическим проблемам природопользования и охраны окружающей среды.

Inna Petrovna Bandurina — applicant of «Economics and Management of the Enterprise» department of SRSTU (NPI), author's investigations are dedicated to social and economic problems of nature management and environmental protection.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-51-54, факс: +7 (8635) 25-56-66, e-mail: ipb9987@mail.ru

---
